

УДК 911.3 (470+57) (292.2)

А. А. Соколова

НАРОДНАЯ ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ ГОВОРОВ РУССКОГО СТАРОЖИЛЬЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ АРКТИКИ КАК ОБЪЕКТ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

СОКОЛОВА Александра Александровна – доктор географических наук, заведующий кафедрой естествознания и географии. Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина. 196605, Петербургское ш., 10., г. Пушкин, Санкт-Петербург, Россия. E-mail: falcones@list.ru.

Народная географическая терминология – компонент народной географии (folk-географии) и значимая часть культурного (языкового) наследия русского старожильческого населения Арктики.

Народная географическая терминология рассмотрена в неразрывной связи с географическими объектами, вовлеченными в процесс языковой номинации. Для комплексного изучения термина (обозначения) и территориального объекта (обозначаемого) автором использовано понятие лингвотопа как «точки соприкосновения» языкового и географического пространства. Основанием лингвотопа служит базовый объект геопространства (узел гидросети, поселение, сакральный центр и т. д.), организующий территориальную систему и одновременно выступающий в качестве ядра концентрации языковой информации.

Для выявления лингвотопов, сформировавшихся в процессе освоения Арктики, использован сравнительный анализ народных географических терминологий, сложившихся в нижнем течении Северной Двины, Печоры, Индигирки. В качестве основного источника информации использованы словари отдельных говоров, полидиалектные словари и топографические карты.

Ключевым для Русского Севера и арктической Сибири с преимущественно приречным освоением территории являются лингвотопы, связанные с долиной реки. Рисунок русла определяет локализацию селений, отдельных построек, влияет на геометрию и качество угодий, организацию пространства в прилегающей полосе междуречья.

Выделение и изучение лингвотопов, создание карт, отражающих языковые образы народной культуры, имеет теоретическое и прикладное значение. Сохранение языкового и материального компонентов лингвотопа столь же важно, как охрана типичных и уникальных объектов природы,

культурных ландшафтов. Система выявленных лингвотопов может быть использована при создании сети охраняемых этноприродных территорий в ареалах проживания русского старожильского населения Арктики.

АРКТИКА; НАРОДНАЯ ГЕОГРАФИЯ; НАРОДНАЯ
ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ; КУЛЬТУРНОЕ (ЯЗЫКОВОЕ)
НАСЛЕДИЕ; ЛИНГВОТОП

Народная географическая терминология – компонент народной географии (folk-географии) и значимая часть культурного (языкового) наследия русского старожильского населения Арктики. Изучение народной географической терминологии как компонента культурного наследия требует учета ее дуальной сущности – языковой (языковое наследие) и географической, бытование в неразрывной связи с территориальными объектами, освоенными материально и информационно. Для изучения реально-идеальных систем подобного рода автором введено понятие лингвотопа, позволяющее связать географический объект и его проекцию в языковом пространстве [10].

В «основании» лингвотопа лежит уникальный или типичный для рассматриваемого региона элемент пространственной структуры (аналогия с понятием стратотипа, используемого в геостратиграфии), например, элемент гидросети, организующий территориальную систему и одновременно выступающий в качестве ядра концентрации лексической информации. Хронотоп М.М. Бахтина призван отражать неразрывную слитность в структуре образа пространственных и временных характеристик, лингвотоп – выявлять соответствие структуры терминосистемы пространственной (пространственно-временной) структуре геопространства. Далеко не все объекты могут служить материальным «основанием» лингвотопа. Неровности земной поверхности (бугры пучения, кочки и т. д.) имеют многочисленные названия, что не делает их ключевыми в структуре геопространства. Это отличает лингвотоп от топоса В.Н. Калущкова – местоназвания, сочетания топонима и места [4], поскольку основанием топоса становится любой объект, вовлеченный в топонимизацию.

Для выявления лингвотопов, сформировавшихся в процессе освоения Арктики русскими первопроходцами, промышленниками, крестьянами-старожилами, использованы следующие методы:

1) **сравнительно-терминологический** – сравнительный анализ народных географических терминологий, сложившихся в нижнем течении Северной Двины, Печоры, Индигирки с привлечением материалов по другим территориям (Приуралье, Урал, Западная и Восточная Сибирь);

2) **термино-топонимический** – анализ соответствия систем терминов и топонимов; уточнение значений терминов с помощью информации, представленной на общегеографических и тематических картах; выявление конкретных географических объектов, наиболее точно отражающих закрепленные в термине и топониме свойства;

3) **информационно-картографический** – картографирование ключевых терминологизированных и топонимизированных географических объектов как «оснований» лингвотопов, материального воплощения духовного (языкового) наследия; определение ареалов их распространения; выявление закономерных территориальных сочетаний.

В качестве источников информации рассмотрены словари русских народных говоров, в том числе макрорегиональные полидиалектные [9], региональные [7; 8], локальные – словарь говора Русского Устья [12], а также словари терминов и топонимов [2; 5], топографические карты крупного масштаба и лоции рек.

Сравнительный анализ терминосистем и топонимии различных регионов Арктики показал высокий уровень сходства, что обусловлено единым процессом освоения. Решая задачу выявления объектов культурного наследия, следует обратить внимание на следующие термины и топонимы, имеющие северо-европейский и северо-сибирский ареал:

1. Строение гидросети. Народная гидрографическая терминология формировалась в условиях, когда реки были главными путями сообщения и промысловыми угодьями, что способствовало распространению севернорусской терминологической лексики.

Основные водотоки. Ареал термина *би'стер (бы'стерь)* ‘течение реки [12, с. 142], ‘течение реки, фарватер’ охватывает Новгородский край и прилегающие территории, Русский Север и Северо-Восток Сибири [9, 2, 296; 9, 3, с. 349]. В Приуралье и на Северо-Востоке Сибири получил распространение более специализированный термин *борозда* ‘фарватер реки’ [12, с. 143], ‘глубокое место в реке’, ‘стрежень реки по перекату,

проход для судов через порог»; ‘фарватер во время мелководья, по которому плывут баржи и плоты’, [9, 2, с. 112].

Малые водотоки. Термин *ви́ска* как название малого водотока отмечен во многих локальных системах народных терминов и гидронимии побережий морей Северного Ледовитого океана. На территории Европейской части России термин используется в значениях ‘ручей, протока, небольшая речка»; ‘вытекающий из озера проток’, ‘небольшая речка, впадающая в море, озеро или реку’ [9, 4, с. 295]. В дельте Северной Двины термин обозначает небольшие разветвления русла [9, 4, с. 295], фиксируя, таким образом, явление пойменной многорукавности, характерное для нижнего течения северных рек. В низовьях Печоры *виска* – ‘водоток в пойме реки’: «У нас на лугах озера да виски» [8, 1, с. 74], а также ‘мелкий рукав реки, образующийся во время ее течения, в обход плотных глинистых хрящей почвы; ‘ручей или река, вытекающая из озера’, отсюда гидроним и ойконим *Кривая Виска* [2, с. 71].

В бассейне Индигирки, согласно записям А.Л. Биркенгофа, *виска* – сток с заболоченного пространства, т. е. ручей, небольшая, короткая речка из озера, лайды или болота в соседний водоем или в основную артерию [9, 4, с. 295]. А.Г. Чикачев для говора Русского Устья дает более общее определение термина – ‘маленькая речка’ [12, с. 144], которое согласуется с топонимией прилегающего участка побережья Восточно-Сибирского моря (*Долгая Виска, Крестовская Виска, Афонькина Виска, озеро и протока Широкая Виска*). В аналогичном значении термин записан В.Г. Богоразом на Нижней Колыме: «Посодска виска падет на Колыму, а Коньковска — на море» [9, 4, с. 295]. На Средней Колыме *виска* – речка, соединяющие два озера или озеро и Колыму, от термина образованы названия урочищ (*У двух висок, Усть-Виска* и др.). Э.М. Мурзаев приводит терминологизированные словосочетания *проходная виска* ‘проток между озерами’ и сухая виска ‘высохший проток’ [5, с. 123].

Озера население северных регионов рассматривало, прежде всего, как рыболовные угодья. По морфологическим признакам они делились на *главные и сточные – ла’йды* [12, с. 85, 151], многочисленные в нижнем течении и устье Индигирки (*Максимова Лайда, Петрова Лайда, Тимошкина Лайда, Кишкова Лайда* и др.). Отметим, что составные названия обычно отражают принадлежность угодий отдельным

промысловикам. Из эвенкийского языка русскоустыинцы заимствовали термин *ая'н* 'небольшое озеро, соединенное с рекой' [12, 142], в исходном значении 'старица; высохшее русло реки; проток; залив' [1, с. 21].

Термин *ла'йда* в значениях 'небольшое озеро', 'заросшее, высыхающее озеро' зафиксирован в Западной, Восточной и Северо-Восточной Сибири. От Белого моря и низовий Печоры до Сибири и Камчатки термин использовался в значении 'отмель на реке или море', а также для обозначения приливной осушки – пространства между большой и малой водой, просыхающее во время отлива [9, 16, с. 247].

Болота. Среди названий болот широкий ареал имеет термин *бадара'н*, в говорах Русского Устья – 'топкое болотистое место' [12, 142], на Колыме, в Приамурье, на Камчатке – трясина, никогда не просыхающее болото, широкое и открытое' [9, 2, с. 38]. В Якутии, согласно определению Э.М. Мурзаева, – грязевое болото в области многолетней мерзлоты, располагающееся в глинистых понижениях, оттаивающее летом на 80–90 см [5, с. 63]. К данному определению близко толкование информанта: «Окошки в болотистых местах, где проваливаешься со льда, никогда не тающего» [9, 2, с. 38].

2. Речная долина.

2.1. *Плановый рисунок русла реки.* Рисунок русла реки любого региона складывается из спрямленных участков, крутых и плавных поворотов, разветвлений, проток, стариц. Полнота и детальностью народных терминологий коррелирует со сложностью строения русла.

Плес – геоморфологический термин, заимствованный из народной географии. Термин *пле'со (плёсо)* 'прямой широкий отрезок русла реки от одного изгиба или переката до другого со спокойным течением'; 'открытая, широкая часть реки (или озера между островами)' имеет обширный ареал распространения (Северо-Запад, Русский Север, Поволжье, Урал, Сибирь) [9, 27, 116]. Условия протекания отражены в термине *тишь* 'спокойный плес реки, заводь' [12, с. 163].

На Русском Севере и Северо-Востоке Сибири зафиксирован термин *ва'дега* или *ва'дига* 'глубокое тихое место на реке' [12, с. 143], 'глубокое место реки с тихим течением, плёс; омут' [9, 4, с. 11].

Пережат. На реках горного и равнинного типа плес противопоставляется сужению русла, перекаату, порогу, что отражает

иллюстрация, записанная в низовьях Колымы: «Каждая река течет со шивере на вадигу» [9, 4, с. 11]. На Нижней Индигирке *ши'вер* – подводный камень [12, с. 166]. Для обозначения сужений русла, может использоваться анатомическая метафора *го'рло*, в других значениях 'глубокое место на середине реки' (Печора) [8, с. 148] 'узкий короткий пролив' (Индигирка) [12, с. 145], а также часть рыболовной снасти (входное отверстие для рыбы) (Печора) [8, с. 148]. В говорах Беломорья, Северной Двины, Урала, Северо-Востока Сибири зафиксирован термин *перебо'р* 'перекат, поперечная мель на реке' [12, с. 157; 9, 26, с. 30–31]. Использовались и другие термины: «Мелкие места на реке еще называются перекатами, переборами, раскатами» (Индигирка) [9, 26, с. 30–31].

Меандр. Плесу как прямому отрезку реки противопоставляется меандр: «Где она [река] прямо идет, да в лесу плесами называем. А у нас смотри как хоботами, всё носа, кривули, это плёсов нет» (Архангельский Север) [9, 27, с. 116]. Меандрирующие реки определяются как носистые, коленоватые, крюковатые, путлявые [3], в потамонимии – *Блудная* (Забайкалье), *Извилистая* (Нижняя Индигирка) и др.

Меандры в процессе заселения и хозяйственного освоения долинных геосисем активно вовлекались в процессы терминологизации и топонимизации. Данный факт отражает спектр значений термина *на'волок* в говорах Беломорья, приведенный в словаре С.А. Мызникова: '1. Излучина реки, мыс. 2. Мыс, полуостров. 3. Название пахотного поля': «Загибами такими наволок – за рекой очутилась» [6, с. 231]. Термин *обгибень* на Нижней Печоре зафиксирован в значениях 'поворот, изгиб' [8, 1, с. 504]; 'широкий изгиб озера, болота, с двух сторон охватывающий пожню или деревню' [9, 22, с. 314]. На Нижней Индигирке отмечены значения 'изгиб реки' [12, 155]; 'выпуклый участок берега'; 'круто выдающаяся часть суши' [9, 22, с. 314].

Севернорусские термины *хобот*, *хоботина* в значении 'изгиб, излучина реки; кривой, изогнутый мыс или коса' [5, с. 594] объединяют русло реки в одну группу с анатомическими частями животных и предметами обихода – хвостом ящерицы, хвостом и головой змеи, изогнутой частью рыболовной сети [3]. К анатомическим метафорами относится широко распространенный и отмеченный в топонимии Севера термин *губа* 'залив' [12, с. 145].

Бифуркации русла, характерные как для горных водотоков, так и рек, текущих по плоским приморским низменностям, фиксирует ряд терминов, в том числе *разбой* ‘участок реки, где много мелей, перекатов, островов’ (Русское Устье) [12, с. 159] – отсюда *разбоистая река* – ‘река, течение которой разбивается на несколько струй’ (Колыма) [9, 33, с. 265]. В бассейне Нижней Печеры отмечен термин *шар* ‘рукав реки, протока, огибающая остров’, вошедший в гидро- и ойконимию – д. *Коровянный Шар* [2, с. 66]. В другом значении *шар* – пролив между островами и материком в северных морях [5, с. 624].

2.2. Поперечный профиль долины реки.

Пойма. Низкая пойма обозначается в говорах Севера термином *ла'йда* ‘низкое место, заливаемое в половодье водою’, в других значениях – ‘отмель на реке или море – пространство между большой и малой водой, просыхающее во время отлива (приливная осушка) (Белое море, Печора, Сибирь, Камчатка) а также ‘небольшое озеро’ (Индибирка) [9, 16, с. 247]. Использование пойменных лугов под пастбища и сенокосы вплоть до самых северных границ распространения животноводства нашло отражение в спектре значений севернорусского термина *на'волок, наволо'к* ‘низменное поемное место на берегу реки’; ‘заливной луг на берегу реки, иногда с редким кустарником’; ‘мыс, полуостров’ (Русский Север, Урал, Сибирь) [9, 19, с. 179]. На побережьях Белого моря термин используется в других значениях ‘большой тупой мыс, выдающийся далеко в море’; ‘небольшой мыс, полуостров или перешеек’; ‘низменный мыс или полуостров, коса’ [9, 19, с. 179]. На Нижней Печоре *наволо'к* – ‘заливной луг’; ‘нанесенные течением ил, трава, мусор на берегу реки’; ‘сенокосное угодье, поросшее кустарником’; ‘сенокос на месте выкорчеванного леса’; ‘лесная поляна’ [8, 1, с. 438–439]. Широкое распространение имеет также термин *по'жня* ‘покос, луг || Заливной, пойменный луг’ (Европейская Россия, Сибирь) [СРНГ, 28, с. 331]. Осоковые луга обозначены в севернорусских в говорах термином *калтус* ‘равнина, мокрый луг’ [12, с. 149].

Рельеф сегментно-гривистых и ложбинно-островных пойм осложняют фрагменты прирусловых валов, старичные понижения и другие формы микрорельефа. К положительным формам применим термин *верети'я, веретия', вере'тья, веретья'* ‘возвышенное сухое место на низменности: среди болот и сырых мест в лесу, на берегу реки и т. п. [9, 4,

139], на Индигирка – *вере'чья* 'сухая, возвышенная гряда среди болот [12, с. 143]. Записанный на Индигирке термин *ко'га* имеет несколько специализированных значений: 'бугор на берегу реки, образованный ледоходом' (Русское Устье) [Ч, с. 150]; 'кочка' (Верхоянский уезд, Якутия) [9, 14, с. 40]; 'куча валежника', отсюда фразеологизм *в когу затынуться* 'о горностае, когда он убегает под кучу валежника' (Пинежье) [9, 14, с. 41].

Уступы террас и коренного берега. Высота берега учитывалась при выборе мест для поселения, пристани, движения вдоль реки, ловли рыбы, поэтому названия высоких берегов присутствуют в говорах приречных жителей повсеместно. Широко распространены термины *яр* [5, с. 650-651], *уго'р* [12, с. 163], *зава'лок* 'обрыв над водой' [12, 147], на юге Красноярского края – 'небольшой выступ скалы у самой воды' [9, 9, с. 294]. На побережье Белого моря отмечен близкий термин *зава'л* 'крутая сторона берега реки' [9, 9, с. 291]. Для Русского Севера характерны термины *щелья* в значении 'высокий, обрывистый берег реки, чаще каменистый' [8, 2, с. 458–459] и *матери'к* 'высокий берег реки' [8, 1, с. 408]. Обозначалась также нижняя часть склона – *подго'р* 'склон крутого берега или подножие горы' (Русский Север) [9, 27, с. 378], *подго'ра* 'берег реки под обрывом' (Индигирка) [12, с. 157].

С береговым уступом связан севернорусский и сибирский термин *звоз* – 'дорога в гору от реки или перевоза; подъем, въезд' (Русский Север, Урал, Сибирь) [9, 11, с. 220], 'подъем с речной переправы' (Индигирка) [12, с. 148], в другом значении *звоз* или *взвоз* – 'отлогий бревенчатый настил для въезда на сеновал' [8, 1, с. 71].

Высокие террасы и коренной берег. Надпойменные речные террасы и междуречные равнины, тянущиеся вдоль берегов северных морей, описывает термин *ёдома* (*едо'ма*). На Северной Двине и других реках Европейского Севера так называют 'высокий берег реки', 'крутой обрывистый берег', 'возвышенность за рекой' [9, 8, с. 323]. На Нижней Печере *едома* – народный ботанико-географический или ландшафтный термин, обозначающий лесные массивы, расположенные на междуречной равнине, начинающейся от правого нагорного берега реки, а также возвышенности, гряды, покрытые еловым или хвойно-мелколиственным лесом: «Греда-то тока идёт, едома, между реками, хребёт – едома, на едоме фсякой лес бывает: сосняк, березняк, ельник» [8, 1, с. 197–198].

В говорах Поморья значения термина образуют своеобразный «центробежный» понятийный ряд: ‘лес около селений’, ‘дальние лесные уголья’, ‘лесная глушь’ [9, 8, с. 323]. Термин используется для обозначения всякой отдаленной от селения местности, а также территориальной целостности локального ранга – округа и этноприродной территории (термин *едома* в значении ‘местность, на которой бродячие самодийцы расставляют своя чумы’ [9, 8, с. 323]).

В русских говорах Якутии и Камчатки *едома* – невысокие юры, всхолмленная возвышенность’, ‘возвышенности, обычно террасы реки’, ‘земляная или каменная гряда, низкая и ровная’, ‘земляной размытый яр’. На Нижней Индигирке термин использовался в значении ‘размытые холмообразные возвышенности, идущие грядой вдоль Индигирки на западном берегу ее’ [9, 8, с. 323]. А.Г. Чикачев приводит более общее определение – ‘небольшая горка, возвышенность’ [12, с. 146] Термин зафиксирован в ойконимии – *Сидорова Едома* и оронимии – возвышенности *Крутинская Едома*, *Косовская Едома*. *Чукочьей едомой* называли «отрог хребта на тундре к западу от Походской деревни» [9, 8, с. 323]. О сохранении к культуре затундренных крестьян терминологии подсеки свидетельствует термин *елань* (*елонь*) ‘расчистка в лесу’ [12, с. 147]. На Камчатке *елань* – поляна в лесу. В других таежных и степных регионах России термин обозначал открытые пространства, безлесные равнины, поля, пастбища [9, 8, с. 323].

2.3. Плановый рисунок долины реки.

Сегмент поймы. Рисунок русла определяет рисунок поймы. Изгиб речного и морского берега обозначают термины *наволок* и *кулига* в значении ‘пойменный мыс’, *лука*, *мег*, *стрелка*, термины-метафоры *нос*, *бык*. Термин *нос* обычно используется в значении ‘выдающаяся часть суши, мыс’ [8, 1, с. 483, 12, с. 154]: «*Носов много – носистая река*» [9, 21, с. 285]. В низовьях Печоры зафиксировано значение ‘самая узкая часть суши в петле реки’: «*У нас река бежит десять километров по кругу, а прямо – один километр будет, это и есть нос*». Термин топонимизирован и отмечен в ойконимии – выселки *Косочи'ный Нос* [2, с. 68]. Термин *мег* имеет значения ‘речной мыс в излучине реки’: «*Вода бывает через мег идет*» (Беломорье, Нижняя Печора, долина Лены); ‘сенокосный луг на полуострове’ (Беломорье) [9, 18, с. 63], ‘дорога в петле реки’: «*Если прямо*

через нос перейти, это будет мез» (Нижняя Печора) [2, с. 135]. Слово вошло в ойконимию – хутор *Сурин-Мез* [2, с. 135].

Меандровый амфитеатр, образующийся в результате боковой речной эрозии и склоновых процессов, обозначен в говорах в Архангельского Севера, Приуралья, Сибири словом *прилук*, ‘берег речной излучины (напротив мыса)’, ‘крутой, высокий берег, обрыв в излучине реки’. В Колымском крае отмечено также значение, общее с термином *огибень* ‘крутой поворот, излучина реки, лука’ [9, 31, с. 280]. А.Г. Чикачев приводит значение ‘высокий берег реки’ [12, с. 158]. На Русском Севере зафиксирован также термин *слуда* в значении ‘высокий осыпающийся берег’ [9, 38, с. 307]. Пространственное сочетание *меандр – пойменный мыс* наглядно воплощает оппозиция *рог* ‘мыс’ – *хиб* ‘выгнутый берег реки, противоположный рогу’: «*Рог – берег в реку вдается. Поворот есь на реки, дак и рог есь и хиб*» (Северо-Запад) [11, с. 130].

3. Водораздельная равнина

Одно из базовых значений термина *волок* на Русском Севере в Сибири – водораздел, перемычка между реками (на севере Кольского полуострова – перемычка между материком и полуостровами Рыбачьим и Средним) [9, 5, с. 49–50]. На Индигирке *волок* – ‘участок пути между озерами и речками’ [12, с. 144]. Таким образом, волок могут быть рассмотрены и как дифференцирующий, разделяющий, и как связующий элемент геопространства, способствующий проявлению двух его противоположных и взаимодополняющих свойств: дискретности и континуальности. Междуречья, не имеющие водного пути, связывают сухопутные дороги и тропы.

Проведенный сравнительный анализ народной географической терминологии говоров русского старожильческого населения Арктики показал, что ядро терминосистем составляют названия элементов строения долины реки, а в долине реки наиболее детально и полно описаны берега в излучине русла. Таким образом, в качестве основания лингвотопа могут быть рассмотрены *меандр – огибень, лука* и сопряженные с ним лингвотопы второго уровня – сегменты поймы – *наволоки*, пойменные луга с характерным плановым рисунком, элементы локальной системы землепользования, и *яры* – меандровые амфитеатры, расположенные на противоположном берегу реки. О выполнении перечисленными объектами

функций фокусов восприятия и обзорных точек свидетельствует размещение построек, в том числе культовых, памятников и т.д.

Следует отметить, что значительная часть перечисленных терминов народной географии относится к исторической лексике. В «Словаре народно-диалектной русской речи в Сибири XVII – первой половины XVIII в.» приведены в тех же значениях термины *калтус* (*калтусные места*), *шиверы* ‘каменистые участки реки с быстрым течением’, *лайда* ‘низина, заливаемая водой; озеро’, *наволок* ‘заливной луг’ (наволочные места), *лука* ‘изгиб, излучина (реки – А.С.)’, *кулижка* ‘участок земли на берегу реки, используемый как сенокосное угодье’ и др. [7].

Выделение и изучение лингвотопов, создание карт, отражающих языковые образы народной культуры, имеет теоретическое и прикладное значение. Сохранение языкового и материального компонентов лингвотопа столь же важно, как охрана типичных и уникальных объектов природы, культурных ландшафтов. Система выявленных лингвотопов может быть использована при создании сети охраняемых этноприродных территорий в ареалах проживания русского старожильческого населения Арктики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Аникин А.Е.** Тунгусо-маньчжурский заимствования в русских говорах Сибири. Новосибирск: Наука, 1990. 92 с.
2. **Глебко Г.И.** Словарь ойконимов бассейна Нижней Печоры. Сыктывкар: Изд-во Сыктывк. ун-та, 2009. 188 с.
3. **Даль В.И.** Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I–IV. СПб.: Диамант, 1996.
4. **Калуцков В.Н.** Ландшафт в культурной географии. М.: Новый хронограф, 2008. 320 с.
5. **Мурзаев Э.М.** Словарь народных географических терминов. М.: Мысль, 1984. 653 с.
6. **Мызников С.А.** Русские говоры Беломорья. Материалы для словаря. СПб.: Наука, 2010. 496 с. ISBN 978–5–02–025272–1
7. Словарь народно-диалектной русской речи в Сибири XVII – первой половины XVIII в. / сост. Л. Г. Панин. Новосибирск: Наука. 1991. 181 с.
8. Словарь русских говоров Низовой Печоры. Т. 1–2. / отв. ред. Л. А. Ивашко. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2003–2005.
9. Словарь русских народных говоров. Вып. 1–48 / гл. ред. Ф. П. Сороколетов. СПб.: Наука, 1965–2015.
10. **Соколова А.А.** Концепция лингвотопа в географии и краеведении // Материалы Междунар. конф. «XIV Царскосельские чтения». Т. II. СПб., 2010. С. 300–302.

11. Строгова В.П. Как говорят в Новгородском крае Новгород: Упрполиграфиздат, 1991. 134 с.

12. Чикачев А.Г. Русские на Индигирке. Новосибирск: Наука, 1990. 189 с.

SOKOLOVA, Alexandra A. – Pushkin Leningrad State University. 196605, 10 Peterburgskoe shosse, *Saint-Petersburg (Pushkin), Russia*. E-mail: falcones@list.ru.

THE FOLK GEOGRAPHICAL TERMINOLOGY OF THE RUSSIAN ARCTIC OLD RESIDENTS' PATOIS AS AN OBJECT OF THE CULTURAL HERITAGE

The folk geographic ARCTIC al terminology is a component of the folk geography and a significant part of the cultural (linguistic) heritage of the Russian old-resident population in the Arctic.

The folk geographic terminology is considered in close connection with the geographical objects involved in the process of language nomination. For the purpose of the comprehensive study of the term and the territorial object the author applies the concept “linguotope” as a “common ground” for the language and geographical spaces. Any base object of the geospace (a drainage junction, a settlement, a sacred center, etc.), that organizes the territorial system and simultaneously acts as the core of the concentrated linguistic information, can be regarded as the basis of a linguotope.

To detect linguotopes that appeared in the process of exploring the Arctic, the comparative analysis of the folk geographical terminologies, existing in the region of the lower reaches of the Northern Dvina, the Pechora, the Indigirka, is applied. Dictionaries of certain patois, multidialectal dictionaries and topographic maps served as the primary source of information.

The key linguotopes for the Russian North and Arctic Siberia, where the riverside development of areas was predominant, are associated with the river valley. The pattern of the riverbed determines the localization of settlements, separate buildings, affects the geometry and the quality of the land, the organization of the space in the adjacent strip of the interfluve.

Identification and exploration of linguotopes, map-creation reflecting the language images of the folk culture, are of great theoretical and practical importance. The preservation of linguistic and material components of linguotopes is not less important than the protection of typical and unique objects of nature, cultural landscapes. The system of identified linguotopes can be used for creating the ethnic-and-nature network of protected areas in the habitats of the Russian old-resident population in the Arctic.

ARCTIC; FOLK GEOGRAPHIC; FOLK GEOGRAPHICAL TERMINOLOGY; CULTURAL (LINGUISTIC) HERITAGE; LINGVOTOP
